

«Я уже говорил тебе, что такое безумие, а?»

© Ваас Монтенегро

Несколько часов ранее...

Повсюду царил такая разруха, словно тут недавно прошла война. «Трагичная сцена» — вот что больше всего подходило для описания увиденной двумя художниками ужасной картины.

Всё было основательно уничтожено — последствия были настолько масштабны, что невозможно было восстановить что-либо.

— Боже ты мой... ну это уже слишком! — раздосадовано припав на колени Рюноске заливался горькими слезами.

Узрев столь трагичную сцену собственными глазами, Рюноске не мог уже вытерпеть и горько расплакался, переполняемый тяжкой грустью и сожалением. Возможно, невольный зритель испытал бы к нему сочувствие, узрев юного парня в такой жалкой и скрученной от боли позе. Разумеется, это могло бы случиться, если бы свидетель не знал о его личности, о совершенных им деяниях.

Поверженная своим новым боссом парочка с досадой наблюдала за грудкой мусора.

— Искусство, в создание которого мы вложили столько упорства и чувств... ну это чересчур! Как, как, как же люди смогли сотворить что-то подобное! — с опухшими, налитыми кровью глазами задавался вопросом Рюноске.

Пока Рюноске плакал, его плечи продолжали вздрагивать. Кастер нежно обнял его и добрым, мягким голосом стал успокаивать.

— Мой дорогой Рюноске, ты всё ещё не постиг истинное зло, скрытое в глубинах человеческой души, поэтому твоя печаль вполне объяснима. Рюноске, ты должен понять, что лишь горстка людей из всего мира мог ли бы в полной мере понять истинную красоту, настоящую гармонию. Что касается большинства — то это приземлённые, тщедушные душонки, чьё зверство вырывается наружу, когда они видят объекты величественного искусства. Для таких скучных душ, красивые вещи — цели, подлежащие уничтожению в пламени их зависти.

Сердце Кастера также наполнилось гневом оттого, что он увидел своё пристанище уничтоженным. Однако он знал, что ему придётся принять то, что он видел перед собой. В конце концов, он когда-то был генералом, который вёл армию своей нации в бой против англичан.

— Ты должен знать, что плоды нашего с тобой искусства будут постоянно разрушаться этими ничтожными людишками... из-за этого мы обязаны не привязываться к нашим творениям. То, что мы создали руками своими, несмотря ни на что обратится в пепел. Поэтому, мы — творцы — только и можем, что наслаждаться самим процессом.

— Ты хочешь сказать дядька, даже если то, что мы сотворили — разрушено, то всё что нам остаётся лишь создать его вновь?

— Именно! Рюноске, твоя способность схватывать на лету определённно лучшая из твоих черт!

Кастер, который в конце рассмеялся от всего сердца, приободрил Рюуносукэ, и он подтерев рубашкой слёзы, вздохнул. После того как Рюноске окинул всё более осмысленным взглядом, он пробормотал:

— Мы перестарались на пути за своим счастьем и может быть, поэтому Бог карает нас?

Как только Кастер услышал речь Рюноске, его лицо тут же изменилось.

Схватив юношу за плечи, он развернул его лицом к себе. И затем, вглядываясь в глаза Рюноске острыми сверкающими очами, Синяя Борода произнёс:

— Я скажу это лишь один раз, Рюноске... Бог не карает людей. Он только играет с ними.

Взгляд Кастера пылал от чувств внутри него, но его лицо не выражало никаких эмоций. В сравнении с его предыдущем радостным состоянием — сейчас он превратился в совершенно иного человека.

— Д-дядька? — ошалел Рюноске.

Кастер движимый ностальгией заговорил, Однажды я совершил ужасное святотатство, быть может, наиболее страшное, наиболее тяжёлое, на которое только способен человек. Рюноске, то зло, о котором ты говоришь и свершаешь, — лишь детский лепет в сравнении с моими делами. Но всё безрезультатно; неважно сколь много я пытал, мучил и убивал, неважно насколько кощунственны были мои дела, кара Божья не обрушилась мою голову, — и я понял это запоздало, когда обнаружил, что прошло уже восемь лет с того момента, как я вступил на кривую дорожку. Душераздирающие крики и жалостливые стенания бесчисленных детей заглохли во тьме! Бог не услышал их молитвы.

Рюноске оставалось молчать.

— ...

— И в результате, меня поразила не Божья кара, нет-нет... а гнусная злоба таких же люди, как и я. Король и Церковь сошлись во мнениях, что я виноват, захватили меня и казнили. Они хотели заполучить мои богатства и земли, а потому и устроили эту дьявольскую ловушку, для того чтобы завладеть моими благами... вместо того, чтобы быть наказанием за все те злодеяния, что я совершил, их настоящей причиной был обычный грабёж!

К этому моменту, Рюноске уже понял, что он нечаянно вскрыл рану на сердце проклятого демона перед ним — но та эмоция, что сейчас поселилась в сердце Рюноске, была не страхом — только одиночеством и мукой.

В сравнении с радостью Кастера, нынешнее выражение на его лице говорило, что он однажды потерял всё, что было ему дорого. Увидев это лицо, Рюноске ещё больше понял ту необъятную печаль, шрамы оставшиеся на душе и сердце безумца перед ним.

— Но, дядька... даже если и так, Бог... он ведь существует? Услышав тихий шёпот Мастера,

Кастер ничего не смог с собой поделаться, задержал дыхание и недоверчиво посмотрел на лицо своего одновременно и простого, и великого Мастера.

— ... Почему, Рюноске? Ты ведь грешник, который ни во что не верит, не видал никаких чудес, почему же ты так решил?

— Потому что мне казалось, что мир скучен... поэтому я искал веселья. Но чем больше я искал его, тем больше странного и интересного я находил.

Рюноске продолжал говорить, протянув руки, словно он хотел обнять весь мир.

— Я долго думал об этом. В этом мире столько удовольствий, он слишком экстравагантен для таких обычных как мы людей. Если мы немного изменим свой образ мышления, тогда непременно наткнёмся на предзнаменование подобное этому. Я вот считаю, — что в преследовании счастья, нет ничего более возбуждающего, чем превзойти рамки этого мира. Кто-то должен был придумать, написать сценарий развития событий. Кто-то, кто пишет великолепный роман с пятью миллиардами персонажей... возможно, этот кто-то и есть тот самый Бог за далёкими небесами.

Кастер удивлённо моргнул, словно задумавшись над словами Рюноске, и просто посмотрел в пустоту. Через какое-то время Кастер вновь посмотрел на Рюноске и спросил тихим и торжественным баритоном.

— ... Тогда Рюноске, ты взаправду веришь, что Он любит человечество?

— Конечно, Он любит их всех до самых глубин своей души, — радостно и не колеблясь, отозвался серийный убийца. — Тот, кто способен продолжать писать сценарий для этого мира от начала творения, не останавливаясь, должен очень любить людей. Хм, я думаю, что Бог старается изо всех сил, чтобы сделать этот роман как можно лучше, и Он также погружён в удовольствие от того, что создаёт. В романе Его трогает любовь и отвага, грустные моменты заставляют плакать, а ужасы и отчаянье пугают и шокируют.

Рюноске замолчал на секунду, словно проверяя, сказал ли он это только у себя в голове, и продолжил:

— И в то же время, как Бог любит слышать победоносные гимны людей, такие как отвага и надежда, Он так же любит печаль и отчаянье, рисуя их алыми мазками. Другими словами... песнь жизни ещё никогда не была столь ярко окрашена. Поэтому, дядька, этот мир без сомнений полон Божьей любви!

Словно непритворно искренний верующий, который молился перед ликом святых, Кастер тихонько и торжественно внимал речам Рюноске. Затем он медленно опустил голову, и на его лице появилось шокированное и вместе с тем радостное выражение.

— В эпоху, как люди почти потеряли веру, а власть государства низвергла власть Божью. Изначально, я думал, что этот мир стоит на грани конца... но я по-настоящему восхищён тем, что такие последователи как ты, могут появляться в подобное время! О, Рюноске, мой дорогой господин! — безумно хохоча Кастер обнял своего мастера.

— О, нет, нет, нет. Вы смущаете меня.

Хотя он не знал, чем это было вызвано, он знал что, по крайней мере, Кастер его похвалил, поэтому Рюноске стыдливо отклонил подобное обращение.

— Однако... с твоей религиозной точки зрения, мои жалкие святотатства — лишь слабые потуги чего-то великого.

— Нет-нет мой дорогой, всё то, что ты делаешь, — можно назвать первоклассными представлениями. Господин, ваши прекрасные представления должны безмерно нравиться Богу, и он с радостью будет следить за ними.

Услышав то, что сказал Рюноске, Синяя Борода взорвался радостным смехом.

— Будь то святотатство! Или молитвы! С твоей точки зрения, все они служат для одной цели, чтобы поклоняться Богу?! О, мой Рюноске! Да у тебя философский склад ума! Бог играет с бесчисленным количеством людей в этом мире так, словно они актёры на сцене! Всё стало ясным! Такое плохое чувство юмора мне вполне понятно!

После того как он отсмеялся, глаза Кастера перестали выглядеть несчастными.

Он вновь стал сумасшедшим гением, который был на пике своего безумия.

— Ну и ладно. Используем ещё более яркое отчаянье и кровавые слёзы, дабы окрасить небесный храм в идеальный цвет. Я покажу небожителям идеальное представление на этой грешной земле!

— У тебя, вновь появились выдающиеся идеи, дядька?

Взглянув на Синюю Бороду, проявляющего такое возбуждение, которого он — Рюноске ещё не видел ранее, то им сразу овладело сильное предвкушение грядущих событий.

— Так всё уже решено — устроим праздник. Рюноске, будущая ночь будет особенной; мы возвысим мятежный флаг и провернём замечательное шоу, ибо если молитвам не суждено быть услышанными Богом, то это сделают отчаянные мольбы!

<http://tl.rulate.ru/book/88459/2969887>